

Погоди, аромат трав?

Лу Жоцзя не понимал, что происходит. Он был на грани слез, судорожно вытаскивая маленькую книжечку и бормоча:

— Истинный человек Унянь, защити нас, Истинный человек Унянь, защити нас.

Юноша с острым взглядом сразу заметил на корешке книжечки позолоченные иероглифы: «За десять дней Истинный человек Унянь научит тебя вводить ци в тело».

Уголок рта юноши дернулся.

Эта молитва была слишком поспешной, и почему именно Истинный человек Унянь, этот великий демон, должен учить вводить ци?

Цинь Чаньюань, разбуженный этими шумными детьми, был раздражен. Он предположил, что сейчас выглядит не лучшим образом и, сдерживая гнев, пояснил:

— Вы кого привидением назвали? Разве бывают такие красивые привидения?

Лу Жоцзя икнул:

— Чем страшнее демон, тем больше он старается обмануть внешностью.

Цинь Чаньюань от злости рассмеялся:

— Если бы я был злым духом, я бы не позволил тебе тут болтать. Если бы кто-то посмел потревожить мой сон, я бы проглотил его одним махом.

Лу Бэньи, немного успокоившись, увидел, что Цинь Чаньюань не собирается их убивать, и, поднявшись, с достоинством поклонился:

— Мы не хотели беспокоить ваш глубокий сон, но экзамены в Академию Чжунчжоу не за горами, а у нас нет ничего ценного. Поэтому мы решились на этот шаг и пришли сюда искать удачу.

Цинь Чаньюань поднял бровь, не понимая, что такое Академия. Он подавил вопросы в сердце, понимая, что, проспав в этом черном гробу бог знает сколько лет, снаружи мир мог измениться до неузнаваемости.

Цинь Чаньюань слегка кашлянул:

— Скажите, какое сейчас время?

Лу Бэньи почтительно ответил:

— Сейчас примерно утро, третий час шэнь.

— Нет, я имею в виду, какой сейчас год по календарю.

Лу Бэньи немного удивился, но не показал этого, по-прежнему почтительно ответив:

— Сейчас двадцать первый год Гэнсюй.

Цинь Чаньюань, услышав знакомый метод летоисчисления, слегка улыбнулся. Этот метод был создан им в прошлом, когда он использовал сочетание небесных стволов и земных ветвей, каждое сочетание имело предел в пятьсот лет, после чего переходило к следующей паре. Он сделал простой подсчет и обнаружил, что проспал в этом темном месте целых пятьсот лет.

В этом сложном и изменчивом мире у него образовался пробел в пятьсот лет.

На мгновение он почувствовал печаль. Но после краткой грусти сердце его стало легче: он проснулся, а это означало, что он успешно пережил катаклизм.

Когда-то он страстно желал смерти, но теперь, разрушив старое, он возродился, как феникс.

Печаль в сердце Цинь Чаньюаня развеялась, и он начал разглядывать детей перед собой. Этот мальчик был спокоен, уверен, говорил приятно, но его одежда не говорила о богатстве. Он бегло осмотрел его и понял, что у него неплохие данные, которые позволят ему далеко продвинуться на пути культивации.

Что касается того, кто сжался за спиной Лу Бэньи, похожий на маленького перепела — Цинь Чаньюань холодно отвел взгляд, не желая смотреть.

Этот «перепел» был слишком мягким и слишком трусливым. Даже с превосходными данными в мире культивации, где правят сильные, он закончил бы тем, что его съели бы живьем.

Чтобы достичь вершины мира культивации, нужно было обладать не только силой, но и жестокостью, быть готовым не признавать никого, даже родственников.

Цинь Чаньюань слегка опустил глаза, свет в них погас. Нужно быть таким, как Сяо Юньцинью.

Цинь Чаньюань потянулся рукой к татуировке на тыльной стороне ладони, но кожа была гладкой, там ничего не было. Он невольно спросил:

— Эй, а где меч Чуюнь?

Он помнил, что использовал свое тело как ножны для Чуюня: когда меч не использовался, он возвращался на его руку, образуя слегка выпуклый тату в форме меча.

Но как только слова сорвались с губ, он вспомнил, что перед смертью давно отдал тот меч Сяо Юньцинью.

Лу Бэньи и Лу Жоцзя услышали эти слова, переглянулись и поняли: этот парень тоже грабитель могил, только опередил их.

Они мгновенно сняли бдительность, встали и подошли к Цинь Чаньюаню:

— Мы упустили из виду, оказывается, вы наш коллега. Давайте представимся, чтобы в будущем можно было поддерживать друг друга.

Цинь Чаньюань поднял бровь, понимая, что дети ошиблись, но он не стал исправлять их, а просто откровенно сказал:

— Меня зовут Цинь Чаньюань.

В любом случае, все знали Истинного человека Уняня и звали его по даосскому имени, а его мирское имя не знали даже наставник и старший брат. Цинь Чаньюань не хотел придумывать

другие имена, поэтому просто использовал настоящее.

Лу Бэньи и Лу Жоцзя представились в свою очередь, что немного удивило Цинь Чаньюаня: оказалось, они близнецы. Лу Жоцзя был старшим братом, Лу Бэньи — младшим, но они были совершенно разными как внешне, так и по характеру.

Лу Бэньи заметил сомнение в глазах Цинь Чаньюаня, улыбнулся и пояснил:

— Мы с детства жили отдельно. Сяо Цзя остался с матерью, а я — с отцом. Потом начались волнения с Расой демонов... и мы оба бродили с деревенскими жителями. Как ни странно, мы встретились в Чжунчжоу и решили вместе участвовать в отборе в Академию Чжунчжоу.

Цинь Чаньюань заинтересовался, что за волнения с Расой демонов, но, увидев выражение лица Лу Бэньи, понял, что это неприятное воспоминание. Он не хотел задевать болезненное место и уже собирался перевести разговор на другую тему, но, глядя на Лу Бэньи, его взгляд в одно мгновение стал ледяным.

Лу Бэньи всё это время смотрел на Цинь Чаньюаня, поэтому прекрасно увидел перемену в его глазах. Под таким взглядом ему показалось, что на его плечи опустилась гора в тысячу цзиней, воздух вокруг застыл, и он не смел пошевелиться. Этот взгляд создавал иллюзию, что в следующую секунду он превратится в острый клинок и изрежет его в кусочки.

Лу Жоцзя, казалось, хотел что-то сказать, но Цинь Чаньюань внезапно выпустил духовное давление. Лу Жоцзя не смог выдержать, побледнел и рухнул на пол.

Лу Бэньи весь дрожал, с трудом выдавливая из себя:

— Цинь... Цинь Чаньюань?

Цинь Чаньюань холодно произнес:

— Не двигайся.

В следующее мгновение Цинь Чаньюань поднял упавший на землю лом, наполнил его духовной силой и резко направил к уязвимой шее Лу Бэньи.

Оба брата крепко зажмурились.

Ожидаемого фонтана крови не произошло. Прошло достаточно времени, пока они не услышали голос Цинь Чаньюаня:

— Прошу прощения, что напугал вас, но я думаю, нам лучше уйти отсюда.

Лу Бэньи мгновенно открыл глаза и с удивлением посмотрел на Цинь Чаньюаня.

Цинь Чаньюань поднес лом к глазам Лу Бэньи, и на самом кончике они увидели маленькое кроваво-красное насекомое с ярким блестящим панцирем.

— Извините, этот жучок был слишком страшным. Я переживал, что вы его потревожите, поэтому пришлось немного накричать.

Лу Жоцзя не мог прийти в себя от страха, дрожащим голосом прошептал:

— Это... это трупный червь!

Цинь Чаньюань поджег на ладони маленькое пламя и мгновенно сжег насекомое в пепел, наполовину в шутку сказав:

— Если вы видите одного, значит, где-то рядом есть еще как минимум одно гнездо.

Мощи такого гнезда хватило бы, чтобы в мгновение ока обглодать человека до костей.

Чувства Цинь Чаньюаня были обострены, он бросил взгляд в даль, висок у него дернулся, и он улыбнулся мальчикам:

— Голодны?

Оба не поняли.

Цинь Чаньюань внезапно развернулся:

— Даже если голодны — бегите! Бегите за мной! Сзади их не просто одно гнездо!

Если бы не то, что этот склеп был построен им самим, а ловушки расставлены его же руками, Цинь Чаньюань мог бы подумать, что он сам является грабителем могил.

Цинь Чаньюань совершенно не беспокоился о том, что дети не послушаются его. Раз уж они готовы были грабить могилы, они не могли не знать, насколько страшны трупные черви.

Одного червя еще можно пережить: если вовремя заметить и не дать укусить, убить его — и всё в порядке. Даже если укусят и заразят трупным ядом, хотя это и хлопотно, жизни это не грозит.

Но если встретишь целую стаю трупных червей, пути к отступлению не будет. Даже если ты их заметишь, их скорость не оставит человеку времени на реакцию.

Цинь Чаньюань смутно помнил, что оставил в этом склепе четыре выхода. Дверь, через которую вошли Лу Жоцзя и Лу Бэньи, была лучшим направлением для побега, но, к сожалению, именно оттуда летели трупные черви.

Цинь Чаньюань вел детей, поворачивая то туда, то сюда, но неизвестно, где именно его память подвела, и в итоге все трое с мертвенно-бледными лицами остановились перед стеной.

Цинь Чаньюань:

— ...

Сзади уже слышался громкий жужжащий рой трупных червей. Лу Жоцзя был полон ужаса, кадык Лу Бэньи дернулся, оба они с беспокойством посмотрели на Цинь Чаньюаня.

Цинь Чаньюань холодно прошипел, сжав в руке лом и выставив руку, загородив собой детей.

Он только что проснулся и не был уверен, на сколько процентов вернулась его сила, а оружие в руке было не самым удобным. Но решил попробовать.